

Всеобщность конституционного принципа права на судебную защиту и возрастающая потребность в ее осуществлении ставит перед государством задачу создания условий доступности судебной защиты для правового противостояния любым посягательствам на конституционные права и свободы человека и гражданина. На достижение этой цели должно быть направлено совершенствование организации правосудия всех форм судопроизводства.

В условиях падения престижа государственных органов в глазах населения возникла необходимость введения в государственно-правовую систему Республики Беларусь института омбудсмана, который действует более чем в ста странах мира под различными названиями (медиатор – во Франции, уполномоченный по правам граждан – в Польше). С января 1994 г. уполномоченный по правам человека эффективно действует в Российской Федерации. Конечно, институт омбудсмана требует тщательного, детального изучения в государствах, где он действует, прежде чем ставить вопрос о введении его в нашей республике.

Основным гарантом защиты прав человека в целом являются: состояние общей и правовой культуры общества; уровень образованности каждого гражданина; материальное и социальное благополучие людей; стабильное экономическое, социально-культурное и политическое развитие общества с широким проявлением демократических тенденций, возвышающих человека до уровня личности.

При неустойчивости государственной власти, открытой конфронтации в обществе, перегибах в национальной политике, особенно в бывших республиках СССР, а ныне суверенных государствах, имеют место массовые нарушения прав человека. Можно согласиться с мнениями, высказанными в юридической литературе, что сама постановка основных проблем нашей темы обостряется тем фактом, что права человека, особенно субъективные, приходится отстаивать в обществе далеко не гражданском и в государстве совсем не правовом. Это аргумент в пользу усиления, а не ослабления защиты субъективных прав¹. Парадокс отечественной правовой науки состоит в том, что наряду с глубокими фундаментальными разработками теории прав и свобод практика их реализации оставляет желать лучшего². Нельзя не отметить, что и в демократических государствах мира ситуация с правами человека не всегда и не во всем благополучна. Например, эти государства сталкиваются с такими явлениями, как безработица, полицейский произвол, преступность, предвзятость судебных решений, ненормальные условия содержания под стражей и т. д. Вместе с тем демократические страны обладают эффективным механизмом социально-правовой защиты прав человека, что помогает им эффективно бороться с негативными явлениями. В последнее время со стороны ряда демократических государств во внешней политике встречаются действия, нарушающие под гуманитарными предлогами международное право, например бомбардировки Югославии, вторжение в Ирак и т. д., что, по нашему мнению, негативно сказывается на развитии института защиты прав человека в целом. Мы полностью солидарны с мнением Н.И. Матузова, что наука обязана ставить такие вопросы, осмысливать их, выражаясь языком традиционной лексики, с позиции диалектического подхода, предполагающего рассмотрение как положительных, так и отрицательных сторон явления, плюсов и минусов; отслеживать реальности и тенденции; делать выводы. При этом она должна говорить и о неприятных истинах³.

Ю.В. Костин, докторант кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ НАЧАЛА XX в.

В истории человеческой цивилизации вопросы организации и осуществления государственной власти традиционно играют значительную роль в развитии права и его адаптации к насущным потребностям общества. На современном этапе значительно возрастает роль научного знания, основанного на изучении богатого творческого наследия отечественной юридической науки.

¹ См.: Беляев В.Г. Субъективные права в уголовном праве // Защита субъектив. прав: история и соврем. проблемы: Материалы III науч.-практ. конф. Волжский, 27 марта 2001 г. Волгоград, 2001. С. 318.

² См.: Теперик А.В., Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: Моногр. // Государство и право. 2003. № 9. С. 125.

³ См.: Матузов Н.И. Еще раз о принципе «не запрещенное законом дозволено» // Правоведение. 1999. № 3 (226). С. 19.

Одно из важнейших мест в русской юридической науке начала XX в. отводилось рассмотрению проблем государственной власти. Во многом это было связано с поиском аргументов в пользу необходимости преобразований государственно-правового устройства Российской империи и определения перспектив социально-политического развития страны в канун революционных потрясений.

В конце XIX – начале XX в. в русской юридической науке значительное внимание уделялось психологическому обоснованию власти, одним из первых сущность понятия государственной власти изложил Н.М. Коркунов в своей работе «Указ и закон» (СПб., 1894). Власть, по мнению Н.М. Коркунова, – это способность обеспечить устремление властвующего, способность установить подчиненность и зависимость подвластных. Описывая государственную власть как феномен, определяемый не волей властвующего субъекта, а сознанием зависимости подвластного, Н.М. Коркунов приходит к выводу, что «...государственная власть не есть надо всем господствующая единая воля, проявляющаяся в деятельности органов власти. Государственная власть есть сила, основанная на сознании людьми своей зависимости от государства. Поэтому носителем государственной власти являются не одни органы власти. А все государство, все граждане. Их осознание своей зависимости от государства создает ту силу, которая объединяет государство в одно целое. Органы же власти только распорядители, диспозитарии этой силы. Единство государства не в единстве воли этих органов, а в единстве той силы, которой все они распоряжаются»¹.

Представляется, что Н.М. Коркунов верно усматривал первоначальное состояние осуществления власти как состояние подчиненности, сопряженное с чувством зависимости. В своих рассуждениях Н.М. Коркунов убедительно показывает, как власть изначально создается сознанием зависимости. По его мнению, без культивирования сознания зависимости в истории не было бы и власти. Сознание зависимости первично и объективно, так как человек со времени своего первобытного состояния зависим. Он зависим от стихии, от наличия пищи, от окружающего мира, от себе подобных. Чувство зависимости требует наличия властвующего. И такой властвующий появляется. И в тот же момент, когда появляется чувство зависимости у одного индивида (независимо от причин), не может не возникнуть чувство властвования и подчинения своей власти у другого индивида, чувства зависимости другого индивида. Для обеспечения властных функций появляется необходимость принуждения.

Изложенная Н.М. Коркуновым в таком виде теория государственной власти вызвала ряд возражений со стороны некоторых отечественных ученых, которые критиковали ее «за антиюридический характер». В глазах сторонников юридического догматизма Н.М. Коркунов нарушил традиционные воззрения уже тем, что вообще вышел за рамки, установленные наукой того времени для государственного права.

Наука государственного права в XIX в. сосредоточивала свое внимание исключительно на формально-юридической стороне вопроса о признаках государственной власти, формы которой, казалось, более или менее установились и определились. Это точное отграничение научной проблемы, подлежащей решению, приведшее к превращению ее в строго формально-юридическую проблему, составляет отличительную черту научной деятельности представителей науки о государственном праве в XIX в. Высшей властью безоговорочно был признан суверенитет. Подвергнув всестороннему исследованию, с одной стороны, свойства государственной власти, а с другой – сущность суверенитета, одни ученые пришли к заключению, что суверенитет не есть необходимый признак государственной власти, другие, наоборот, на основании точно такого же исследования энергично настаивали на том, что власть без суверенитета не является государственной властью. Те государствоведы, которые не считают суверенитет неотъемлемым признаком государственной власти, употребили все свои усилия на поиски такого признака, который мог бы быть признан отличительным свойством всякой государственной власти.

Б.А. Кистяковский, анализируя взгляды Н.М. Коркунова, считал, что тот совершил грубую методологическую ошибку и потому по существу не прав. Основной тезис Б.А. Кистяковского сводится к смешению Н.М. Коркуновым явлений социально-психологического характера с явлениями государственно-правовыми².

В начале XX в. в отечественной юридической науке наблюдается дальнейшее развитие теоретических изысканий в области теории государственной власти. Известный историк, правовед и общественный деятель этого периода С.А. Котляревский в своей монографии «Власть и право. Проблема правового государства» (М., 1915) развил и упрочил теорию Н.М. Коркунова. С.А. Котляревский усматривал основу процесса властвования в сознании зависимости, вырастающей из самых первых ор-

¹ Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб., 1894. С. 193.

² См.: Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. М., 1916. С. 462.

ганизаций человека, которая бесконечно укрепляется. Это укрепление опыта зависимости начиная от первобытного строя, по его мнению, дает ответ на кажущийся парадокс, между властвованием многих над многими.

Государство является той организацией, которая для каждого члена государственного союза олицетворяет принуждение. Придание правового характера государственной власти является необходимым условием для обеспечения господства права среди всяких других общественных отношений. Только государство обладает всей полнотой власти и располагает всеми ее формами.

В рассматриваемый период проблемы государственной власти были проанализированы в книге Б.А. Кистяковского «Социальные науки и право» (М., 1916), который начинает свою работу с исследования власти государственной, но прежде чем раскрыть ее, он обращается к анализу власти родительской над детьми как формы власти негосударственной. При этом он указывает, что самое яркое выражение власть находит в наличии государства. Вместе с тем власть является основным признаком государства. Как всякая власть в правовом государстве, родительская власть должна быть ограничена. Эту функцию выполняет власть государственная, то же самое Б.А. Кистяковский говорит и о власти работодателя над рабочим, где пределы власти работодателя всецело зависят от государства.

В науке государственного права рассматриваемого периода видно также стремление решать вопрос о сущности государственной власти при помощи метода государственно-правовой догматики. Этот вопрос приравнивают к таким категориям, как классификация актов государственной власти на законы, указы, административные распоряжения и судебные постановления. Конечно, нельзя отрицать, что классификация, устанавливающая отличительные признаки различных видов власти, представляет известную научную и практическую ценность. Но не надо забывать, что она по необходимости должна обладать лишь условным и относительным значением. Таким образом, ее роль в основном терминологическая.

Формально-юридическое определение государственной власти по необходимости должно быть не только формальным, но и подчеркивающим внешние проявления государственной власти. Оно не может касаться сущности государственной власти, то есть того фактического отношения господства и подчинения, которое обусловлено, с одной стороны, социально-психологическими и историко-политическими причинами, а с другой – идейным смыслом власти. Но зато оно объясняет чисто юридическую сторону властвования, и в этом его ценность.

Анализируя государственную власть, Б.А. Кистяковский утверждает, что в точном смысле слова государственная власть обладает в принципе всеми полномочиями, всей полнотой и всем авторитетом власти. В таком случае нельзя противопоставлять государственной власти авторитет, так как авторитет есть лишь один из элементов государственной власти. Подтверждением данного тезиса является наличие вместе с авторитетом и других элементов государственной власти, как, например, фактическое господство или формальное выполнение функций власти.

Б.А. Кистяковский, критикуя Н.М. Коркунова за смешение понятия власти в государственно-правовом смысле с понятием в смысле социально-психологическом, сам в то же время пытается проанализировать проблему властвования вообще, перенося ее на область государственно-правовых отношений. При этом он буквально воспроизводит теорию власти Н.М. Коркунова.

В социально-психологическом смысле власть, по мнению Б.А. Кистяковского, зарождается там, где при отношении двух или нескольких лиц одно лицо благодаря своему духовному, а иногда телесному превосходству, качествам своего характера и своей энергии занимает руководящее и господствующее положение, а другое лицо, становясь в зависимое положение, следует за ним.

Одухотворяющая идея, или нравственное оправдание, государственной власти постепенно становится у Б.А. Кистяковского наряду с авторитетом основным и наиболее важным признаком власти. Этим не исчерпывается существо власти, это только показывает, насколько проблема власти многогранна, в чем, безусловно, стоит согласиться с Б.А. Кистяковским.

Признак властвования присущ всем типам государства. Относительно того, что признак властвования присущ абсолютно-монархическому и деспотическому государству, не может возникнуть никакого сомнения. Абсолютно-монархическое государство страдает не от отсутствия элемента властвования, а от излишка его. В нем все сводится к властвованию, повиновению и требованию беспрекословного подчинения. В нем преследуются только интересы власти и совершенно игнорируются интересы подданных и страны. Б.А. Кистяковский считает неправомерным смешивать власть в абсолютно-монархическом государстве с органом власти, ибо в этом случае понятие власти заменяется в абсолютной монархии понятиями «правительство» и «начальство». В противоположность абсолютно-монархическому государству в конституционном государстве власть приобретает правовой характер.

Несмотря на исключительную важность проблемы власти, Б.А. Кистяковский считал, что она была очень слабо разработана в тот период. В то же время конституционное государство является по преимуществу государством правовым, поскольку власть в нем организуется и осуществляет свои полномочия в силу правовых норм. Если же рассматривать государство как организацию, основанную на господстве права, то наиболее типичным признаком власти надо признать ее безличность. В современном правовом государстве господствуют не лица, а общие правила или правовые нормы. Из этих рассуждений Б.А. Кистяковского видно, что власть понимается им как устремление к безграничному господству носителя этой власти. Данное устремление ярче всего проявляется в государстве абсолютистском, там власть носит личностный характер. В государстве правовом, где правит право, власть безлична, ибо ее устремления ограничены правом.

Проблемам государственной власти уделялось значительное внимание в трудах Г.Ф. Шершеневича. В работе «Общая теория права», рассматривая сущность и особенности государственной власти, автор делает вывод о том, что если нормы права выражают собой требования, обращенные государственной властью к подчиненным ей, то правила, определяющие устройство и деятельность самой государственной власти, не могут иметь правового характера. «Государственная власть не подчинена праву, потому что требование, обращенное к самому себе под угрозой, не имеет никакого значения. В действительности государственная власть находится всецело под санкцией общественного мнения, и этим права ее деятельности переносятся в сферу морали». Г.Ф. Шершеневич в противовес Б.А. Кистяковскому отвергал безличный характер государственной власти. По его словам, «представление о безличной власти не есть продукт высшей культуры, а просто плод мистицизма»¹.

Таким образом, концепция государственной власти в русской юридической науке начала XX в. сводилась к пониманию власти как института государства, как его атрибута с включением элементов психологической теории права. Государственная власть, с одной стороны, мыслилась как система юридических норм, на которых основаны и по которым действуют государственные учреждения, с другой – представляла собой нечто отличное от власти, обозначение своеобразных переживаний индивида, находящегося в состоянии социальной, моральной и иной психологической подчиненности.

*О.Б. Кузнецов, старший преподаватель
кафедры конституционного и междуна-
родного права Академии МВД Республики
Беларусь*

О ПРИРОДЕ И ТИПОЛОГИИ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Вопросы типологии конституционного контроля в современной научной литературе освещаются достаточно широко. Соответственно довольно большим является как число встречающихся классификаций, имеющих отношение к конституционному контролю, так и количество критериев, по которым они произведены². Однако если абстрагироваться от деталей и смешанных форм, то следует выделить две его основные модели: децентрализованную (американскую – *judicial review*) и централизованную (европейскую – *constitutional review*)³.

Характерной особенностью первой модели является то, что *judicial review* осуществляется всем судебным аппаратом государства в процессе отправления правосудия, следствием чего является его воплощение исключительно в виде конкретного последующего контроля. Европейская модель предполагает создание специализированного органа конституционного контроля, причем изначально в отличие от американской она была рассчитана на контроль абстрактный (инициируемый уполномоченным на то субъектом вне связи с конкретным делом, рассматриваемым в каком-либо суде), до-

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. С. 290–302.

² В целях оптимизации изложения и восприятия материала в настоящей работе акцент на известные различия между терминами «конституционный контроль» и «конституционный надзор» не делается.

³ См: Zwierzchowski E. Europejskie modele scentralizowanej kontroli konstytucyjności aktów prawnych // Prawo i kontrola jego zgodności z konstytucją. Warszawa, 1997. S. 75.